

УДК 342.4

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. РАБОТА НАД ОШИБКАМИ... ИЛИ НА РЕЗУЛЬТАТ? (Окончание)¹

© 2021 г. Н. М. Добрынин

*Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 13.04.2021 г.

Аннотация. Работа представляет собой аналитический обзор поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., с целью оценки их содержания и возможных эффектов с позиций философии права, мировоззренческих оснований российской модели конституционализма, сложившихся к настоящему времени реальных общественно-политических практик в России. С опорой на различные точки зрения и событийную фактологию автор делает вывод о том, что изменение качества российского конституционализма сегодня не может быть само по себе связано с какой бы то ни было ревизией норм Основного Закона страны. Напротив, формирование аксиологически насыщенного фона социальной жизни и конституционализация общественно-политической сферы должны основываться на нравственных устоях российского общества, которые способны стать источником достижения социальной солидарности, возрождения доверия между личностью, обществом и властью, заложить надежный фундамент для полноценной реализации конституционных положений и послужить необходимым импульсом в целом для правовой модернизации России.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция, сбережение народа, государственное устройство, нравственность, достоинство личности, правосудие, бюрократизация, публичная власть, права человека.

Цитирование: Добрынин Н.М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? (Окончание) // Государство и право. 2021. № 7. С. 72–82.

DOI: 10.31857/S102694520016183-2

THE INNOVATIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PRESENT AND FUTURE. A REFLECTION ON FAULTS... OR RESULTS? (The end)²

© 2021 N. M. Dobrynin

*Institute of state and law of the Tyumen state University;
Tyumen Scientific Centre SB RAS*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 13.04.2021

¹ Начало см.: Государство и право. 2021. № 6. С. 124–135.

² For the beginning, see: State and Law, 2021, No. 6, pp. 124–135.

Abstract. The paper is an analytical overview focused on the amendments, which were included to the Constitution of the Russian Federation in 2020, in order to estimate their meaning and probable effects from the perspectives of the Philosophy of Law and ontological grounds of the Russian model of constitutionalism, as well as from the point of presently formed and actual social and political practices. Relying upon the different views and public eventful circumstances, author makes the conclusion that all the needed improvements of the contemporary Russian constitutionalism cannot be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution, whatever revisions could be. Contrarily, the process of formation of value-enriched fundamentals of social transactions and the constitutionality of socio-political sphere are to be founded on the ground of moral basics of the Russian people which are able to become a source of achieving of the social solidarity, revival of a trust between people and government, maintain a firm basis for a complete implementation of the constitutional provisions and serve as a starting point for the whole legal modernization of Russia.

Key words: constitutionalism, the Constitution, caretaking on people, arrangement of state, morality, human dignity, justice, bureaucratization, public authority, human rights.

For citation: Dobrynin, N.M. (2021). The innovations of the Constitution of the Russian Federation: present and future. A reflection on faults... or results? (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 72–82.

**Конституционные поправки 2020 года:
взгляд с позиций дискурса обеспечения
действительного авторитета
и независимости судебной власти**

В продолжение дискуссии, начатой нами на страницах предыдущего номера журнала «Государство и право», отметим, что, к большому огорчению, поправки, внесенные в Конституцию России в 2020 г., будучи направлены — исходя даже из самого наименования Закона РФ о поправке в Конституцию Российской Федерации³, — на совершенствование организации и функционирования публичной власти, практически не затронули вопросы совершенствования правосудия в нашей стране, усиления гарантий независимости, профессионализма, объективности и беспристрастности судов.

В основном они ограничились лишь организационными вопросами назначения председателей ряда судебных органов и их заместителей (что при определенных условиях может свидетельствовать не о позитивных, а о негативных тенденциях в вопросе обеспечения независимости судебной власти); в большей мере эти поправки коснулись статуса Конституционного Суда РФ, но их оценка, как представляется, требует более детального анализа произошедших изменений, в т.ч. с учетом законодательных новаций, последовавших за вступлением конституционных поправок в действие (в дальнейшем изложении кратко отразим «первое впечатление» от событий, происходящих в этой плоскости реализации конституционных новелл).

Между тем в вопросах организации и функционирования судебной власти уже давно не все так безоблачно, как хотелось бы думать, и особенно

после ознакомления с текстом Конституции РФ. *Это как раз та сфера, работа над ошибками в которой еще предстоит.*

Прежде всего обращает на себя внимание область уголовного правосудия и административного судопроизводства — она, в сущности, является судебным преломлением обширного пласта общественной жизни, который характеризуется тесным соприкосновением интересов личности, общества и государства, причем таким, в рамках которого на государство возлагаются наиболее выраженные возможности по осуществлению легализованного принуждения в отношении отдельных индивидов или сообществ людей (коллективов).

Широко известна судебная статистика ряда последних лет (возможно, даже последнего десятилетия), согласно которой доля оправдательных приговоров по уголовным делам, рассматриваемым без участия присяжных заседателей, не превышает в нашей стране и 1% от общего количества уголовных дел, дошедших до стадии судебного разбирательства.

При этом почти 2/3 обвинительных приговоров по уголовным делам выносятся российскими судами в особом порядке, когда подсудимый полностью признает вину в содеянном, а рассмотрение дела производится без исследования судом собранных дознанием и/или следствием и адвокатами доказательств (правда, в обозримом будущем данная тенденция, вероятно, начнет меняться в лучшую сторону, поскольку с 31.07.2020 г. новой редакцией ч. 1 ст. 314 УПК РФ рассмотрение в особом порядке дел о тяжких преступлениях не предусматривается, т.е., по сути, запрещено⁴). В этой связи очевидно, что наличие таких процессуальных возможностей

³ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

⁴ См.: Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4750.

не способствует ни повышению качества предварительного расследования дел о преступлениях, ни их беспристрастному и всестороннему судебному разбирательству, ни состязательности сторон в процессе, ни реальной имплементации конституционно закрепленной презумпции невиновности.

Отсюда, конечно же, «рукой подать» и до принципа, бытующего в российской правоохранительной системе еще со времен А.Я. Вышинского, в соответствии с которым «*признание — царица доказательств*»⁵. А распространенные во множестве судебных решений формулировки, вроде: «*у суда не имеется оснований не доверять сотрудникам полиции / следствия / прокуратуры / другого правоприменительного органа*», — доходящие в отдельных случаях едва ли не до абсурдной констатации «*святости*» таких сотрудников, давно уже стали притчей во языцех и в профессиональном юридическом сообществе ничего кроме недоумения (а иной раз и откровенно гомерического хохота) не вызывают и вызвать, по всей вероятности, не могут.

Обсуждая недостатки современного состояния российского правосудия, например, проф. В.Д. Зорькин отмечает: «Сердцевиной правоприменения является *судебное правоприменение*. Ясно, что социальная опасность и негативные последствия ошибок в судебном применении имеют самый высокий рейтинг в сравнении с другими видами правоприменения. <...>. *Многие истоки ошибок правоприменения следует искать в субъективной сфере: в изъянах правового и нравственного сознания правоприменителей, а также в недостаточном уровне их профессиональной подготовки* (выделено нами. — Н.Д.)⁶. Но немалую роль играют и *объективные факторы*»⁶.

При этом в ряду таких объективных факторов, создающих серьезные предпосылки для ошибок правоприменения, ученый называет в первую очередь отсутствие устоявшейся *единой концепции правопонимания* (что также адресует нас к вопросу о качестве и содержании общественного и профессионального правосознания в стране): проф. В.Д. Зорькин справедливо указывает на то, что в каждой конкретной ситуации ответить на вопрос о том, каким должно быть *правовое* решение, возможно, лишь «имея представление о том, *что есть право*» (выделено нами. — Н.Д.)⁷.

По нашему убеждению (и в этом мы солидарны с проф. В.Д. Зорькиным), *право прежде всего есть*

справедливость вне зависимости от того, имеет она какое-либо внешнее нормативное выражение в писаном праве или же должна имплицитно присваиваться положениям закона при их правоприменительном истолковании в преломлении через смысл (дух) более общих и относимых к каждой конкретной ситуации положений Конституции РФ.

Несмотря на закрепление в гл. 1 Основного Закона принципа ее прямого действия, за прошедшие почти три десятилетия со дня ее принятия, к великому сожалению, какого-то кардинального, тектонического изменения соответствующих подходов в правоприменительной практике так и не произошло; это говорит о том, что с точки зрения оценки качества и состояния профессионального (а как результат, и общественного) правосознания наша страна по-прежнему живет в парадигме советского времени (притом, что одним из основных тезисов марксизма-ленинизма, как известно, является утверждение о постепенном отмирании права за его ненадобностью).

Давайте признаемся, можем ли мы при таком качестве профессионального и общественного правосознания рассчитывать на полноценное соблюдение и последовательную реализацию «*вечных*» конституционных идеалов? Полагаем, что нет. К большому огорчению, убеждены, что *конституционные поправки 2020 года, в т.ч. и в рамках тех, весьма лаконичных норм, которые касаются совершенствования системы судебной власти, совсем не нацелены на решение обозначенной выше проблемы.*

Казалось бы, опираясь на непосредственно действующие нормы Конституции РФ, закрепленные еще в 1993 г. и не претерпевшие изменений в 2020 г., кто как не суды должны стоять ныне на страже справедливости, надежно оберегая дух и букву Основного Закона страны, как и в целом *все правовые начала жизни российского многонационального народа?*

Однако статистика — вещь упрямая, объективный экспертный анализ судебной практики — аналогично, а призывы к образованию таких органов, как, например, специальный национальный Суд по правам человека (и это при наличии Конституционного Суда РФ!) вкупе с реакцией Президента страны на подобные инициативы⁸ дают почву для интуитивного представления о том, что российская судебная система переживает сегодня не лучшие времена, а *правосудие как одна из ключевых функций правового государства* по-прежнему далеко отстоит от конституционных идеалов. Громкие скандальные ситуации, периодически происходящие

⁵ Насколько известно, несмотря на широко распространенное мнение, данный афоризм не был сформулирован самим А.Я. Вышинским, занимавшим пост Прокурора СССР в 1935–1939 гг., а был известен еще древнеримским юристам.

⁶ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 100.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ См.: Путин поручил изучить вопрос создания в России суда по правам человека // Официальный Интернет-портал АО «Рос-бизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6017b5cb9a7947b9aa47039c?from=newsfeed>, 01.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

в недрах судебной системы и выплывающие в публичное медиа-пространство, также не добавляют авторитета судебной власти, не способствуют росту доверия населения к отечественному правосудию.

Так, на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, прошедшем 10 декабря 2020 г., член Совета Е. Мысловский отметил, что в уголовном правосудии возникли «весьма тревожные тенденции»: «В обществе ускоренно распространяется мнение: то, что сейчас творится в судах, трудно назвать правосудием. Суды превратились в жалкий придаток предварительного следствия, а прокуратура при следствии словно прислуга при барыне. <...>. Следствием очень широко стали применяться методы, которые я бы назвал процессуальным терроризмом»⁹.

Увы, как представляется, многое ныне в российской правовой системе (а система правосудия — одновременно и ее органичная, неотъемлемая часть, и ее отражение) имеет вполне зримые параллели с ситуацией, которую в 1912 г. (незадолго до революционных событий 1917 г.) известный российский конституционалист В.Д. Набоков характеризовал следующим образом: «Тщетно чтут законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление — всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих, и подвластных... Наиболее общим результатом такого положения является то *неуважение к закону, при готовности устами славословить его*, которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то шеголяют, *открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступить перед требованиями “государственной целесообразности”*... <...>. *Противовесом этому злу могла бы служить деятельность суда*, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, — суда независимого, неприязненного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доставление торжества этому закону. *Есть ли у нас такой суд?* (выделено нами. — Н.Д.)»¹⁰.

⁹ Цит. по: Полякова В. Путин поручил проверить данные о незаконном воздействии на фигурантов дел // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/society/01/02/2021/6017b3f59a7947b8cbb6c49c?from=newsfeed>; 01.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁰ Цит. по: Крусс В.И., Кузьмин А.Г. Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 32.

Убеждены, что дальнейшее развитие российского конституционализма в фарватере фундаментальных ценностей — «вечных» конституционных идеалов, провозглашенных в нашей стране в 1993 г., сложно себе представить вне контекста совершенствования системы российского правосудия, в т.ч. в отрыве от решения задач по обеспечению действительной независимости судебной власти, качественному изменению профессионального правосознания судейского корпуса, реальной (а не фантомной) имплементации идей юридического равноправия сторон в судебном процессе, их состязательности, презумпции невиновности, верховенства прав и свобод человека и гражданина, достоинства личности.

Как уже отмечалось выше, к сожалению, конституционные поправки 2020 года не содержат положений, целенаправленно рассчитанных на решение обозначенных выше задач.

Считаем необходимым в этой связи привести авторитетное мнение члена-корр. РАН М.И. Клеандрова, который дает следующую общую оценку рассматриваемому блоку конституционных нововведений: «Все эти нововведения 2020 г. в Конституцию РФ, относящиеся к механизму правосудия, можно разделить на три далеко не равные части: являющиеся позитивными (их немного), являющиеся негативными (их, по мнению автора, к сожалению, существенно больше) и вызывающими удивление (непонятно, опять же, по мнению автора, зачем их ввели). И сюда же стоит отнести те нововведения, которые следовало бы, естественно, внести, но этого не произошло»¹¹.

Действительно, мы видим, что из общего количества конституционных изменений и дополнений, содержащихся в Законе РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 16.03.2020 г. № 1-ФКЗ и затрагивающих вопросы организации и функционирования судебной власти, наибольшая их часть касается различных аспектов формирования и деятельности Конституционного Суда РФ.

Однако и в этом отношении содержание конституционных поправок 2020 года неизбежно вызывает вопрос о тенденциях, которые знаменуют их принятие.

Полагаем, нельзя не упомянуть в этой связи прежде всего о том, что конституционные поправки 2020 года предусматривают постепенное сокращение количества судей Конституционного Суда по мере ухода в отставку ряда действующих судей

¹¹ Клеандров М.И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-7-11.

по достижении ими предельного возраста пребывания в данной должности — с 19 до 11 судей.

Однако, безусловно, авторитет и функциональная самостоятельность в системе разделения властей верховного органа конституционного нормоконтроля зависят не от количества судей в его составе. Считаю уместным упомянуть о таком уменьшении численного состава Конституционного Суда РФ лишь на фоне ряда других событий, которые получили развитие уже после общероссийского голосования по вопросу об одобрении поправок в Конституцию РФ и вступления этих поправок в действие, — выстраивание известных событий в некоторую взаимосвязанную цепочку, по нашему убеждению, как раз характеризует симптоматичную тенденциозность происходящих изменений.

Так, например, согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»¹² конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации подлежат повсеместному упразднению до 1 января 2023 г. При этом со дня вступления в силу указанного Закона конституционным (уставным) судам субъектов запрещено принимать новые дела к производству, а рассмотрение дел, ранее принятых ими к производству, должно быть завершено до дня упразднения соответствующего конституционного (уставного) суда, но не позднее 1 января 2023 г. Подобным образом, со дня вступления в силу вышеназванного Закона новые судьи конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации не назначаются.

Вместо упраздняемых конституционных (уставных) субъектов на региональном уровне теперь может быть принято решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Несмотря на то что количество конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в действительности невелико, а их деятельность так и не приобрела в стране характер значимой движущей силы в развитии системы гарантий прав человека и гражданина, все же, полагаем, что приведенные выше нововведения (формулировки которых, к слову, весьма напоминают директивный «демократический централизм» советской эпохи) убеждают нас главным образом не только о происходящем *де-факто* снижении в целом роли конституционной юстиции в стране, но и о дальнейшем сокращении границ поля политической самостоятельности субъектов Российской Федерации, что, в свою очередь, является еще одним признаком

*дальнейшей разбалансировки отечественной модели федерализма*¹³.

Собственно, схожие мысли по данному поводу озвучиваются и многими другими крупными учеными-юристами. Например, член-корр. РАН М.И. Клеандров отмечает, что с позиций «здорового смысла конституционные (уставные) суды обязательно (по мнению автора) должны быть в каждом субъекте РФ, как это предполагалось, исходя из текста п. 4 ст. 4 “Суды в Российской Федерации” Закона о судебной системе РФ, и заменить их — в конкретном сегменте вопрос защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций — никакой иной судебный орган толком не в состоянии»¹⁴.

На наш взгляд, в эту же «копилку» новелл, которые в последнее время преподносятся в качестве принимаемых в развитие идей, заложенных при разработке и принятии конституционных поправок 2020 года, следует отнести:

во-первых, отказ Конституционного Суда РФ от института т.н. «друзей суда»¹⁵;

во-вторых, запрет на опубликование особых мнений судей Конституционного Суда РФ, а равно запрет на критику в какой бы то ни было форме решений Суда¹⁶;

в-третьих, наделение Суда полномочием по проверке конституционности проектов федеральных законов по запросу Президента РФ¹⁷. При этом данное нововведение выглядит одной из наиболее спорных инициатив, поскольку очевидно, что признание законопроекта конституционным лишает Конституционный Суд РФ возможности в дальнейшем изменить свое решение применительно к тем или иным обстоятельствам конкретного правоприменения норм этого законопроекта — после его принятия и вступления в действие в установленном порядке.

¹³ См.: Юшков М. Глава Госсовета Татарстана заявил о не попавшей в Конституцию поправке // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2020/5f1081e19a7947ea17326c70>; 16.07.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁴ Клеандров М.И. Указ. соч.

¹⁵ См.: КС решил отказаться от института «друзей суда» // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/601b7c7d9a7947e57550f040>; 04.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁶ См.: ч. 4 ст. 11, ст. 76 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. ФКЗ от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447; 2020. № 46, ст. 7196.

¹⁷ См.: ч. 5.2 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (введена ФКЗ от 09.11.2020 № 5-ФКЗ).

¹² См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I), ст. 8029.

Между тем несложно понять, что эффективность деятельности конституционного суда в демократическом правовом государстве может быть обеспечена не иначе, как на почве рационального свободомыслия его членов (судей), которые к тому же должны являть собой персон широкого социального консенсуса — в силу их непревзойденной профессиональной компетентности и образцовой безупречности личной репутации.

Вне среды здоровой и конструктивной конкуренции мнений, точек зрения и аргументов оснований говорить о независимости и самостоятельной роли верховного органа конституционного нормоконтроля становится на порядок меньше; едва ли можно считать подобные подходы направленными на формирование верного вектора эволюции системы конституционной юстиции — ведь роль конституционного суда государства совершенно особая.

И такая особая роль Конституционного Суда РФ в закреплённой Основным Законом страны системе гарантий стабильности и эволюционного развития отечественного конституционализма в русле и строгом соответствии с провозглашенными в гл. 1 и 2 Конституции РФ принципами и ценностями имеет самое подробное и неоспоримое обоснование в трудах многих отечественных конституционалистов-современников.

Так, проф. В.Д. Зорькин пишет: «Конституционный Суд нередко обвиняют в стремлении “служить и вашим, и нашим”. Но мы исходим из того, что все, кто обращается к нам, — это именно наши. Кроме того, практика работы Суда показывает, что у каждой из сторон спора, как правило, есть заслуживающие внимания правовые резоны и аргументы. Задача Суда — выявить и учесть их в рамках правового решения. Принципиально важным является то, что *речь при этом идет* не просто о согласовании позиций спорящих сторон. То есть *не о поиске собственно политического компромисса, а о согласовании интересов в пространстве права*»¹⁸. Продолжением его мысли является также следующий тезис: «Положение России как страны, расположенной в европейском и азиатском регионах, с многонациональным населением, переплетением культур и так далее, безусловно, осложняет трансформацию общественного сознания, у которого еще не сложилась ориентация на единые ценности в связи с различием культур, религий и традиций. В этих условиях процессы формирования идейно-политической общности российского народа, всеобщим источником которого является Конституция, упрочения демократического, правового государства и верховенства права идут долго

и мучительно. *Деятельность Конституционного Суда при таких обстоятельствах — это труд садовника, взращивающего конституционные принципы на конкретной национальной почве* (выделено нами. — Н.Д.)»¹⁹.

Профессор Н.С. Бондарь, например, пишет: «Роль КС РФ в системе разделения властей, его основные функции и полномочия как судебного органа конституционного контроля определяются прежде всего тем обстоятельством, что КС — *хранитель Конституции* (выделено нами. — Н.Д.)»²⁰.

И подобного рода авторитетных и весьма взвешенных суждений, с которыми нельзя не согласиться, можно приводить еще довольно много. Однако, на наш взгляд, принципиально важно другое: для современной ситуации в России жизненно необходимо, чтобы все изменения, нововведения, происходящие сегодня в сфере организации и функционирования публичной власти — имея в виду *в т.ч. и (во многом) прежде всего систему российского правосудия и конституционную юстицию как неотъемлемую часть этой системы*, — на деле были направлены к укреплению «вечных» конституционных идеалов, к развитию на их основе фундаментальных конституционных ценностей, а не к обратным эффектам, к числу наиболее негативных из которых мы, без сомнения, должны были бы отнести эрозию статуса верховных судебных органов, дальнейшее фактическое сращивание между собой всех ветвей власти под эгидой единого «центра принятия решений», нарастание бюрократизации и олигархизации публичной власти в целом и в конечном счете приватизацию (персонализацию и монетизацию) властных полномочий и прерогатив.

Полагаем, что не случайно в этой связи идет речь именно о важности вектора происходящих в обществе и его конституции (устроении) изменениях и нововведениях: ведь, как справедливо отмечает проф. Н.С. Бондарь, «[в] том, что с экономическим, политическим развитием, изменением социальной действительности неизбежно меняется соотношение юридической и фактической конституции, нет сомнений. В этом смысле “отставание” ранее выработанного текста Основного Закона от реальных условий динамично развивающегося общества и государства вполне естественно. Уже по этой причине сам по себе текст конституции никогда и ни в одном государстве, включая те, где действуют так называемые жесткие конституции, не рассматривался и не может рассматриваться с позиций неприкасаемости, недопустимости

¹⁸ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 262.

внесения изменений. Другое дело, что *соответствующие изменения, поправки* — и это тоже общая, универсальная характеристика современного конституционализма — *должны соотноситься с требованиями стабильности конституции, нерушимости ее основополагающих начал* (выделено нами. — Н.Д.)»²¹.

**Вместо заключения:
достоинство личности — путеводный
ориентир преобразования современного
российского конституционализма**

В заключительной части работы полагаем необходимым вновь адресовать заинтересованного читателя к вопросу, сформулированному в ее заголовке: что же в конечном счете важнее при оценке эффекта конституционных поправок 2020 года — устранение ошибок или же достижение реальных результатов (разумеется, в контексте укрепления фундаментальных основ современного российского конституционализма, обеспечения реального соответствия между ключевыми конституционными положениями и наличными общественно-политическими практиками)?

Считаем, что ответ на данный вопрос в целом очевиден. Особенно, если учесть ранее сформулированную мысль о том, что дело отнюдь не в тексте Конституции страны, а в том, кто, во имя чего и каким образом претворяет в жизнь писанные, формализованные в тексте нормы.

К тому же, о какой работе над ошибками можно вести речь применительно к конституционным поправкам 2020 года?

Если подразумевать под этим критическую оценку самих поправок, то необходимо понимать, что пока еще совсем немногие из них получили дальнейшее развитие в подконституционных нормах, а в плоскости правоприменения — тем более. Поэтому чрезвычайно мало еще времени прошло для такой работы над ошибками...

Если же иметь в виду, что сами конституционные поправки 2020 года могут расцениваться в качестве определенной работы над ошибками, допущенными в предшествующий период — со дня принятия Конституции РФ 1993 г. и до внесения этих поправок, — то для подобных оценок также едва ли найдутся рациональные основания. Хотя бы потому, что конституционные поправки 2020 года имеют вполне определенный, строго очерченный регулятивный предел и в целом изначально не были рассчитаны на кардинальную трансформацию наличного российского конституционализма в направлении последовательного сокращения и по

возможности устранения онтологического разрыва между конституционным должным и общественно-политическими реалиями.

Напротив, обозначенные в предшествующем изложении тенденции, концептуально увязываемые с содержанием конституционных поправок 2020 года и необходимостью их конкретизации в текущих актах законодательства, указывают на то, что пока тренд на сохранение вышеуказанного онтологического разрыва сохраняется и, возможно, в отдельных моментах даже усиливается.

Следовательно, вместо той или иной работы над ошибками (которая, к слову, без изменения фундаментальных векторов в эволюционном развитии общества неизбежно рискует превратиться в процесс ради самого процесса) значительно более важной представляется наша общая работа на результат. Но каким должен быть этот результат?

Нельзя, на наш взгляд, не обратиться в этой связи к весьма глубокому замечанию проф. В.Д. Зорькина, который пишет, что, в сущности, «большинство крупнейших исторических трансформаций правовых систем везде проходили под знаменем приближения права к социальной этической норме, к массовым представлениям о справедливом и должном. И до тех пор, пока не обеспечена достаточно плотная взаимная “подгонка”, сближение между правовой системой и массовыми представлениями о справедливом и должном, правовое государство и юридическое равенство остаются проблемой. <...>. Обычно дальнейшее продвижение по правовому пути связывают прежде всего с совершенствованием законодательной работы, а также судебной и правоохранительной деятельности. Разумеется, это необходимая, но всего лишь часть такого сложного процесса, как общеправовая трансформация России. *К сожалению, принятие хороших законов, обеспечение материальной базы судов и упорядочение правоохранительных органов — это далеко не все. Проблема не только в этом, но и в том, как обстоит дело с укорененными в обществе представлениями о должном и справедливом.* Это вопрос очень непростой для любого общества, а для нынешнего российского — в особенности (выделено нами. — Н.Д.)»²².

Сегодня мы со всей очевидностью можем утверждать: право как важнейший и главенствующий (в современном мире) регулятор социальной жизни, тем не менее обладает лишь ограниченным, а порой и весьма скромным ресурсом в смысле влияния на общие векторы развития общества (нации, социума).

Главный вектор социального движения — будет ли оно со знаком «плюс» или «минус» — задается на

²¹ Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 347.

²² Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 90.

этическом, духовно-нравственном уровне социальных взаимодействий.

Президент РФ В.В. Путин об этом говорил, когда указывал на явный дефицит «духовных скреп» в российском обществе в наши дни²³; об этом же говорят и многие крупные ученые современности — и правоведы здесь не исключение.

Однако, акцентируя внимание на витальной необходимости духовно-нравственного подъема в жизни современного российского общества, важно также понимать, что такой подъем не может состояться в отрыве от глубокого переосмысления россиянами — всеми и каждым — применительно к современным реалиям такой сложнейшей категории, как «**достоинство личности**». И это вполне объяснимо, поскольку *в основу Конституции РФ положено именно человекоцентричное правопонимание*²⁴: как раз человек, его права и свободы признаны в нашей стране высшей ценностью; они же определяют смысл принятия законов, деятельность исполнительной власти и цели осуществления правосудия.

Между тем мы видим, далеко не все отчетливо представляют, что *достоинство личности предопределяется не только этими фундаментальными конституционными положениями*, но и тем очевидным обстоятельством, что категория «личность» не присваивается человеку только в силу принадлежности его к биологическому виду *homo sapiens*, а отражает социальную связь индивида с себе подобными. В этой связи понятие о достоинстве личности не может быть осмыслено вне рамок социальных взаимодействий людей. А там, где речь идет о социальных взаимодействиях людей, безусловно, возникают и представления о пределах свободы, о долге, об обязанностях.

Признаём, что после принятия в 1993 г. Конституции РФ многое в общественно-политической жизни страны стало чрезмерно фокусироваться вокруг положений ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». «Однако есть ведь и ответные слова, которые следует адресовать индивиду. Их немного, но какие же они емкие: *ответственность, обязанности, патриотизм*», — справедливо замечает проф. С.А. Авакьян²⁵.

При этом всем нам следует отчетливо понимать, что вопрос о достоинстве личности, которое, как следует из изложенного выше, определяется

сложившимся балансом прав, обязанностей, ответственности и нравственно-этического долга человека, обоюдоострый.

На наш взгляд, недопустимо утверждать, что достоинство личности определяется лишь отношением человека к обществу и государству, *поскольку и само общество состоит из равноправных индивидов* (по меньшей мере такой подход является конституционно провозглашенной декларацией), и *публичная власть* как ключевой атрибут государства в любом случае имеет человеческий субстрат.

Важно подчеркнуть (особенно применительно к публичной власти), что разделение в одном человеке разных юридических статусов, например, должностного лица и обычного гражданина, осуществляется лишь теоретически, для целей анализа и правовой квалификации тех или иных общественных отношений; в реальности же разделение разных социальных ролей в деятельности одного и того же индивида весьма затруднительно (если вообще возможно): будь по-другому, — если бы лица, облеченные властью, были лишены обычных человеческих качеств (в ряду которых, как хорошо известно, отнюдь не только добродетели), — то не было бы в социальных коллективах таких жесточайших бед и вопиющих перекосов, каковыми являются коррупция, злоупотребление полномочиями и их превышение, неправосудность судебных актов, репрессии, пытки, узурпация власти, неправовые законы... Список открытый.

Вот почему исследование проблематики достоинства личности в современных реалиях, если опираться на представление о том, что достоинство каждого определяется балансом его прав и свобод, обязанностей, ответственности и нравственно-этического бремени по отношению к себе подобным, неизбежно приводит к выводу о том, что *достоинство отдельного индивида может быть обеспечено лишь при условии, что баланс его личного юридико-этического статуса адекватно, т.е. подходящим образом, уравновешен юридико-этическим статусом других окружающих его индивидов*.

Поскольку ранее мы уже неоднократно формулировали тезис о том, что вектор социального движения задается не в пространстве правовой регуляции, а преимущественно на этическом, духовно-нравственном уровне социальных взаимодействий, то и представленный нами заинтересованному читателю вывод о равновесном состоянии разных юридико-этических статусов в обществе (об их справедливой соотношенности друг с другом и даже в некотором смысле равноценности) неизбежно вновь отсылает нас к проблематике, *с одной стороны, достижения и закрепления солженицынской «чистой атмосферы общества», а с другой — критериального содержательного разграничения*

²³ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. // Росс. газ. 2012. 13 дек.

²⁴ См.: Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. С. 93.

²⁵ См.: Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 29.

правовых и неправовых законов с тем, чтобы минимизировать и в конечном счете вовсе исключить наличие последних в границах национальной правовой системы.

Отсюда следует еще один, не менее значимый вывод: систематическое ущемление достоинства личности применительно к одним социальным стратам и группам на фоне постоянного (а иногда и гипертрофированного роста) статуса и привилегий других социальных слоев и коллективов неизбежно становится источником нарастания социальных дисбалансов, общественного раздражения, недоверия, подчас озлобленности и в итоге непрекращающейся социальной напряженности.

Надеемся, с нами согласятся, излишне говорить о том, что в России сегодня все описанные симптомы присутствуют; более того, если проследить динамику ряда последних лет, они не сглаживаются, а напротив, лишь разрастаются и набирают силу.

Понятно, что дисбалансы юридико-этических статусов индивидов, приводящие в результате к ущемлению достоинства личности в тех или иных жизненных ситуациях, имеют различный генезис и по-разному выражаются: речь может идти и об ограничениях политического характера, и о правовой незащищенности, и об экономических ущемлениях, и о социально-культурной сегрегации и даже об элементарном хамстве и оскорблениях²⁶.

Очевидно также и то, что такие дисбалансы неизбежно ведут к формированию социального запроса на перемены; методы предъявления таких требований, как и их достижения, также различны — вплоть до радикальных. Впрочем, все это уже давно известные для всех социально-гуманитарных и политических наук истины.

По гамбургскому счету, **экстраполяция этих выводов на текущую ситуацию в нашей стране вызывает тревогу**. Видимо, не случайно глава государства на последней встрече с руководителями ведущих политических партий и парламентских фракций, в преддверии намеченных на сентябрь 2021 г. выборов депутатов Государственной Думы, напутствовал участников встречи: **«Люди не просто ждут, а справедливо требуют ощутимых, зримых... перемен»**²⁷.

²⁶ См.: Астафурова К. Путин предложил «выметать» чиновников за хамство // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/01/2020/5e3305ea9a794766636e8891>, 30.01.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

²⁷ Батманова А., Тадтаев Г. Путин увидел требование людей «ощутимых перемен» перед выборами // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2021/602cd1b19a79477f0e1f9dca>, 17.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

Не следует забывать и о событиях, предшествовавших приведенному выше тезису: в конце января — начале февраля 2021 г. в ряде крупных городов прошли массовые несанкционированные акции в связи с публикацией в сети Интернет антикоррупционного расследования известного блогера про «геленджикский дворец». Многими политологами отмечалось, как и в распространенных впоследствии некоторыми СМИ интервью с участниками этих несогласованных акций, что люди вышли на улицы вовсе не в поддержку вышеуказанного блогера, а главным образом для того, чтобы выразить свою неудовлетворенность положением дел в стране (и не только, а возможно, что и не столько экономическим положением).

Дополнительно к этому требуется обратить внимание также на то, что вопреки пропагандируемой мысли о целенаправленном вовлечении в протестную активность несовершеннолетних граждан (по существу, детей) подавляющее большинство участников указанных несанкционированных акций относились к возрастной группе 25–40 лет, а примерно половина протестующих *«вышла на улицу»* впервые. Доля несовершеннолетних *от общего числа задержанных* на публичных мероприятиях говорит скорее в подтверждение информации о весьма незначительном общем количестве протестующих в возрастной категории до 18 лет: по последним данным, озвученным Председателем Следственного комитета РФ, всего известно о 1422 таких участниках²⁸; это сведения в масштабах страны и по совокупности всех прошедших протестных выступлений.

Много ли это? Думается, что, конечно, лучше бы несовершеннолетних вообще не было на таких акциях; но как не вспомнить романтизированный на протяжении поколений в нашей стране образ Гавроша? К слову, и Чиполлино можно смело здесь брать в качестве образчика; повесть «Незнайка на Луне», видимо, тоже впору было бы причислить к экстремистским материалам?

Стало быть, некоторая вовлеченность отдельных подростков и даже детей в различные ситуации активных *«социальных бурлений»* имела место быть и в прежние времена, а потому сам по себе подобный факт не следует расценивать как нечто из ряда вон выходящее, *«доселе невиданное»*.

Соответственно, не является ли попытка целенаправленно акцентировать внимание общественности на фактах участия несовершеннолетних в протестной активности отвлечением от

²⁸ См.: СК располагает данными об участии в незаконных акциях 1,4 тыс. подростков // Официальный Интернет-портал Информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10843485>, 05.03.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

действительного и столь необходимого нашему обществу осмысления главных вопросов, нерешенность которых побуждает людей (в т.ч. и *пока несовершеннолетних сограждан*) «*выходить на улицу*»?

Самостоятельной оценке следует подвергнуть и активно отстаиваемый некоторыми тезис о том, что эта протестная активность инспирирована иностранными государствами и финансируется ими.

Но, позвольте, разве процитированное выше напутствие Президента РФ В.В. Путина о том, что люди уже не просто ждут, а «*справедливо требуют... перемен*», не является косвенным признанием главой государства того факта, что обстановка в стране в последнее время все настойчивее требует трансформации?

Следовательно, даже если иностранное вмешательство и имеет место быть (а безусловно, оно есть — это обычная, к сожалению, практика в условиях глобальной конкуренции между государствами; человеческим сообществам вообще от природы свойственно постоянно конкурировать между собой за «*лучшую долю*»), то так ли уж важно именно на это обстоятельство обращать особое внимание?

Мы отмечаем, обсуждая в предшествующем изложении выдвинутую А.И. Солженицыным идею сбережения народа, что, по нашему глубокому убеждению, *возрождение России возможно только посредством беспрестанной работы страны над своей собственной, внутренней повесткой*.

Всем совершенно очевидно, что благоденствующий народ и процветающее государство никогда не прислушаются к «*заокеанским якобы партнерам*» и их «*сладким речам*» про демократию (особенно если учесть, что и само понятие о демократии в современном мире стало крайне полисемичным, размытым).

Не сомневаемся в том, что каждый заинтересованный и взыскательный читатель самостоятельно ответит для себя на все непростые вопросы, сформулированные в работе; а если не ответим на них мы — граждане России, то, вне всяких сомнений, за нас в очередной раз ответит на них время: оно, как известно, — самый беспристрастный и верный судья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 29.
2. *Астафурова К.* Путин предложил «выметать» чиновников за хамство // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/01/2020/5e3305ea9a794766636e8891>, 30.01.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

3. *Батманова А., Тадтаев Г.* Путин увидел требование людьми «ощутимых перемен» перед выборами // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2021/602cd1b19a79477f0e1f9dca>, 17.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).
4. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 262, 347.
5. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 7, 63, 100, 101.
6. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 90, 93.
7. *Клеандров М.И.* О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-7-11.
8. *Крусс В.И., Кузьмин А.Г.* Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 32.
9. *Полякова В.* Путин поручил проверить данные о незаконном воздействии на фигурантов дел // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/society/01/02/2021/6017b3f59a7947b8cbb6c49c?from=newsfeed>; 01.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).
10. *Юшков М.* Глава Госсовета Татарстана заявил о не попавшей в Конституцию поправке // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2020/5f1081e19a7947ea17326c70>; 16.07.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Russian constitutionalism: several theses on urgent tasks // Legal world. 2015. No. 2. P. 29 (in Russ.).
2. *Astafurova K.* Putin proposed to “sweep out” officials for rudeness // The official Internet Portal of JSC “Rosbusinessconsulting”. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/01/2020/5e3305ea9a794766636e8891>, 30.01.2020 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).
3. *Batmanova A., Tadtayev G.* Putin saw people’s demand for “tangible changes” before the elections // Official Internet Portal of JSC “Rosbusinessconsulting”. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/02/2021/602cd1b19a79477f0e1f9dca>, 17.02.2021 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).
4. *Bondar N.S.* Judicial constitutionalism: doctrine and practice. 2nd ed., rev. M., 2016. P. 262, 347 (in Russ.).
5. *Zorkin V.D.* Constitutional Court of Russia: doctrine and practice. M., 2017. P. 7, 63, 100, 101 (in Russ.).

6. *Zorkin V.D.* Civilization law and the development of Russia. М., 2015. P. 90, 93 (in Russ.).
7. *Kleandrov M.I.* On problematic innovations 2020 in the Constitution of the Russian Federation in the sphere of justice mechanism // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 1. P. 7–11. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-7-11 (in Russ.).
8. *Kruss V.I., Kuzmin A.G.* Concept, basic prerequisites and factors of constitutionalization of the Russian judicial system // Problems of law. 2014. No. 3 (46). P. 32 (in Russ.).
9. *Polyakova V.* Putin instructed to check the data on the illegal impact on the defendants in the cases // The official Internet Portal of JSC “Rosbusinessconsulting”. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/02/2021/6017b3f59a7947b8cbb6c49c?from=newsfeed>; 01.02.2021 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).
10. *Yushkov M.* The head of the State Council of Tatarstan announced an amendment that did not get into the Constitution // The official Internet Portal of JSC “Rosbusinessconsulting”. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2020/5f1081e19a7947ea17326c70>; 16.07.2020 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; 625026 г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Honorary graduate of science and education of the Tyumen region, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of state and law of the Tyumen state University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia; chief researcher of the Tyumen Scientific Centre SB RAS; 86 Malygina str., 625026 Tyumen, Russia